было написано в исследовании Д. С. Лихачева.[171] Поделимся некоторыми наблюдениями, которые в основном подтверждают сказанное в работах предшественников.

На русской почве переводные произведения обычно находили широкое распространение, многие из них прожили долгую и славную жизнь, удовлетворяя любознательности и духовным запросам не одного поколения русских читателей. Изменялись идеологические взгляды древнерусского общества, претерпевали изменения литературные вкусы и привычки, но при этом одно и то же переводное произведение продолжало переписываться и читаться, привлекая к себе внимание разными сторонами своего сюжета и стиля.

Так, древнерусский перевод «Истории Иудейской войны», выполненный в XI—XII вв. в дружинной среде Киевской Руси, оказался уже почти забытым через 2—3 столетия. Но вот в конце XIV в., по всей вероятности, среди русских насельников Константинополя изготовляется новая, «отдельная» редакция этого памятника, и она немедленно находит живейший отклик во всей Северо-Восточной Руси в период образования Московского централизованного государства. Иосифа Флавия читают и комментируют, делая выписки из его книги, и в переживавшем последние дни своего независимого существования Новгороде, и в Москве. Его читают и изучают Иосиф Волоцкий и Иоанн Грозный. В XVII в. его рекомендует своим читателям протопоп Аввакум. Многочисленные списки перевода «Истории» сохранились от этого времени в монастырях Севера: в Кирилловом Белозерском и Соловецком, в Красногорском и в Антониевом Сийском. Этот перевод цитирует в своих прениях с духовником датского королевича Вольдемара московский протопоп Иван Наседка. Наконец, уже в XVIII в. перевод «Истории» усердно читают в Даниловом Выговском скиту, в тогдашнем центре Поморского беспоповства.

Если одно и то же произведение способно было затрагивать и волновать русских читателей в различные исторические эпохи, то это, разумеется, было и результатом добротности перевода, плодом мастерства переводчиков. Киевская Русь, феодально-дружинная, ценила в этом произведении преимущественно красочные изображения боевых действий и подвигов. По крайней мере в большинстве выписок из «Истории», обнаруживающихся в тексте Киевской и Галицко-Волынской летописей XII—XIII в., в «Житии Александра Невского», мы находим именно подобного содержания отрывки. В середине XIV в. выдержка из перевода «Истории» попадает в текст Первой Новгородской летописи младшего извода (в записи 1316 г.).[172]

В позднейший период, в XV—XVIII в., на первый план выдвигаются те места перевода, которые вызывали к себе прежде всего церковнодогматический интерес, — так называемые христологические вставки. «История» Иосифа Флавия вместе с переводом «Рыдания» Иоанна Евгеника, посвященного падению Константинополя, попадает в круг таких произведений, с помощью которых идеологи централизованного самодержавного государства обосновывали свои воззрения.[173]

---

[171] Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы М—Л., 1952, стр. 130—155.

[172] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 337. По Комиссионному списку (л. 197): «... и заблудиша во озерех в болотех; и начаша измирати гладом, и ядяху конину, а инии, съ щитовъ кожю сдирающе, ядяху ... якоже древле иерусалимлянѣ, внегда предасть я бог в руцѣ цесарю Титу Римьску».

[173] Подробнее см.: Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 154—164.